

Slavia Christiana

АНДРАШ ЗОЛТАН

INTERSLAVICA

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО МЕЖСЛАВЯНСКИМ
ЯЗЫКОВЫМ И КУЛЬТУРНЫМ
КОНТАКТАМ

Редколлегия серии:

Н.Н. Запольская (главный редактор),
Н. Марчалис, Л.И. Сазонова,
С. Темчинас, А.А. Турилов, М.В. Шульга
Н.В. Яровикова (секретарь)

Андраш Золтан

Interslavica. Исследования по межславянским
языковым и культурным контактам. —
М.: «Индрик», 2014. — 224 с.

ISBN 978-5-91674-278-9

Книга известного венгерского слависта Андраша Золтана посвящена малоизученному вопросу взаимодействия в области лексики двух восточнославянских деловых языков — западнорусского и великорусского. До сих пор этот вопрос поднимался только в рамках собственно лингвистической темы польско-русских языковых контактов. Автор книги рассматривает историю межславянской миграции слов и значений в контексте культурных традиций деловой письменности.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ЗАПАДНОРУССКО-ВЕЛИКОРУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ОБЛАСТИ ЛЕКСИКИ В XV В.

В В Е Д Е Н И Е

Роль межславянских языковых контактов в развитии словарного состава славянских языков	13
Актуальность изучения западнорусских заимствований в великорусском деловом языке XV в.	15
Общие традиции деловой письменности у восточных славян. Вопрос о происхождении формуляра древнерусских грамот	19
Становление двух восточнославянских деловых языков на протяжении XIV–XV вв.: западнорусского и великорусского	26
Процесс формирования административного языка Великого княжества Литовского	26
Особенности деловой письменности Молдавии	37
Характеристика административного языка Московского государства	39

Г Л А В А I
ЗАПАДНОРУССКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ
В ТИТУЛЕ МОСКОВСКИХ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ

—	Взаимодействие двух «русских» деловых языков в XV в.	43
8	К предыстории слова <i>государь</i> в русском языке: происхождение титула <i>господарь</i> московских великих князей XV в.	46
—	К истории слова <i>государство</i> < <i>господарство</i>	64
	Вопрос о времени перехода <i>господарь</i> > <i>государь</i> и производных	67
	Происхождение элемента титула <i>отчичь</i> и <i>дъдичь</i>	72

Г Л А В А II
ЗАПАДНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА
В ПАМЯТНИКАХ МОСКОВСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ДИПЛОМАТИИ
30–60-х гг. XV в.

	«Хождение на Флорентийский собор» неизвестного суздальца	77
	«Повесть о восьмом соборе» суздальского иеромонаха Симеона	91
	«Слово избрано...» и летописная редакция «Повести»	94
	Документы канцелярии митрополита Ионы 1448–1461 гг.	98

Г Л А В А П П
Западнорусизмы
в ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ
И В АКТАХ ВНУТРЕННЕГО УПРАВЛЕНИЯ
в 40–70-х гг. XV в.

Возможность влияния митрополичьей канцелярии на великокняжескую в середине XV в.	129	— 9 —
Западнорусская лексика в летописных известиях о дипломатических сношениях Московского государства с зарубежными странами	137	
Известия о русско-итальянских сношениях по случаю брака Ивана III с Софьей Палеолог	138	
Известия о взятии Константинополя турками	144	
Заключение	149	

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Некоторые аспекты польско-восточнославянских языковых контактов в области лексики	155	
К вопросу о возникновении древнерусской «Повести о Дракуле»	171	
Послесловие	195	
Список сокращений	197	
Указатель слов	221	

Г Л А В А I
ЗАПАДНОРУССКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ
В ТИТУЛЕ МОСКОВСКИХ
ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ

Взаимодействие двух «русских»
деловых языков в XV в.

Развиваясь на разном диалектном субстрате, в разных государственных образованиях, в контактах с разными языками и культурными традициями, московский и западнорусский деловые языки к XV в. развили ряд характерных черт, на основании которых документы, написанные в Западной Руси, легко отличимы от документов, написанных в Северо-Восточной Руси, несмотря на то что оба языка продолжали характеризоваться в дальнейшем многими общими еще с древнерусского периода чертами. Унаследованный общевосточнославянский словарь обеспечил в дальнейшем беспрепятственную коммуникацию между носителями двух языков; можно думать, что лексические различия между языком московских и западнорусских грамот в XV–XVI вв. еще не приводили к осознанию их как двух разных языковых систем. Оба языка назывались в это время «русскими»; можно предполагать, что западнорусский язык воспринимался в Московской Руси как местный вариант единого «русского» языка, а это понятие, как известно, включало в себя здесь еще и церковнославянский язык, который отличался от московского делового языка не меньше, чем западнорусский. Во всяком случае, западнорусские тексты в московских ответных документах цитируются без перевода еще во 2-й пол. XVI в., когда вследствие возрастающей

полонизации западнорусского языка словарный состав двух языков уже сильно различался и в польско-русском диалоге на западнорусском языке имели место иногда недоразумения вроде того, что Иван Грозный выражение Стефана Батория «твои послы перед маестат наш были возвани» (КПМЛ II 1843, 45) воспринял как оскорбление (см. ПИГ 1951, 219, ср. ПИГ 1951, 662).

—

44

—

В связи с тем что государственным языком Великого княжества Литовского стал западнорусский, этот язык стал языком дипломатии в сношениях Литвы с Московским государством. Поскольку Польша до Люблинской унии 1569 г. не имела общих границ с Россией, в условиях польско-литовской персональной унии (1386–1569 гг., с небольшими перерывами) дипломатические сношения Польско-Литовского государства с Московским рассматривались как литовско-московские. Употребление западнорусского языка польско-литовской дипломатией в сношениях с Россией согласно этой традиции продолжалось после действительной унии Польши и Литвы в 1569 г. Традиция эта была поддержана по желанию русской дипломатии и в XVII в., когда в самой Западной Руси западнорусский деловой язык, с одной стороны, все больше и больше уступал место польскому языку, а с другой — терял свой самостоятельный характер, превращаясь в вариант польского языка в кирилловской графике. Несмотря на явное незнание польской королевской канцелярией русского языка, в 1646 г. русские послы в Польше возразили против предложения польской стороны, чтобы королевские грамоты русскому царю писались впредь на польском языке, так как «издавна повелось, что грамоты королевские к великому государю пишутся б е л о р у с к и м п и с ь м о м ; и теперь мимо прежних обычаев, по-польски писать не годится» (Соловьев 1959–1966, 469–470). Этот эпизод показывает, что западнорусский деловой язык в качестве дипломатического языка, несмотря на свой сильно полонизированный характер, воспринимался великороссами в сер. XVII в. все еще как «свой» язык, противопоставленный польскому как иностранному (Успенский, Живов 1983, 159).

Традиция использования западнорусского языка в качестве языка московской дипломатии имеет глубокие корни. Западнорусская лексика богато представлена уже в московской посольской документации, сохранившейся с кон. XV в. (Лурье 1963, 263). Этот материал был использован в ряде работ по истории русской лексики (Фогараши 1958; Кохман 1971–1974; Сергеев 1971; Сергеев 1972; Сергеев 1978 и др.).

Отмеченный исследователями факт, что уже в самых ранних дошедших до нас документах этого рода засвидетельствовано довольно много польских и западнорусских по происхождению слов, и этот пласт лексики характеризует не только памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским (СРИО 1882), но также с другими европейскими государствами, в частности с Германией (ПДС 1851), позволил А.Л. Хорошкевич утверждать, что «в 1489 году посольским делопроизводством [в Москве. — А.З.] ведали либо поляки, либо белорусы» (Хорошкевич 1980, 233). То обстоятельство, что в посольской документации, сохранившейся случайно именно с кон. 80-х гг. XV в., западнорусская лексика используется в сношениях с иностранцами вообще, заставляет предположить, что такая языковая практика сложилась раньше и часть полонизмов проникла в московский канцелярский язык до фиксации их в «Посольских книгах». Как будет показано в дальнейшем, использование западнорусского языка московской дипломатией в качестве *lingua franca* в общении с Западом в более раннее время подтверждается разного рода источниками, относящимися как к церковной, так и к светской дипломатии. Лексическая диффузия между двумя «русскими» языками может иллюстрироваться историей ряда великорусских слов, усвоенных на протяжении XV в. из западнорусского. К ранним примерам западнорусских заимствований в великорусском относятся, в частности, элементы титула московских великих князей — *господарь* и *отчичь* и *дъдичь*.

К предыстории слова *государь* в русском языке:
происхождение титула *господарь*
московских великих князей XV в.

—

46

—

Самый обычный титул московских великих князей, а затем русских царей — *государь*, появляется в московской письменности сначала в форме *господарь/осподарь*; эта форма остается официальной до нач. XVII в. (ср. еще на печатях Бориса Годунова 1599 г.: **господарь всеа Русі** (СГГД 1813–1819, II, № 73, 155), и Лжедмитрия II 1609 г.: **господарь всеа Русі самодержецъ многихъ господарствъ господарь** (СГГД 1813–1819, II, 362)).

Само слово *господарь* является общеславянским только в значении «хозяин, владелец», а не как титул главы государства. В древних памятниках славянских языков в этом последнем значении слово отмечается только в восточнославянском и в сербском. Единичные случаи употребления слова *господарь* в значении «властитель, правитель» в древнейших валашских грамотах кон. XIV — XV в. объясняются влиянием сербской дипломатики (Богдан Д. 1933, 270–271); сочетание *krol gospodarz* в единственном — нелокализованном — древнепольском памятнике второй пол. XV в. (ССтп 1953–2002, II, 467) является, по всей вероятности, украинизмом (ср. формы *misto, namistnik* в том же тексте, см. Лось 1915, 539; ССтп 1953–2002, V, 67; ср. также сочетание *hospodar krol* в львовской грамоте 1400 г. (Лось 1915, 283) — по позднему списку).

Исследования историков (Штекль 1954, 114–116; ср. Алеф 1959, 6; Водов 1978, 25) показали, что титул *господарь* проникает в письменность Московской Руси из Литовской Руси в 1-й пол. XV в. (обратный путь заимствования предполагает А.Л. Хорошкевич, однако без аргументации, см. Хорошкевич 1980, 88, прим. 65); но происхождение титула в самом западно-русском остается не выясненным. На самом деле, в памятниках великорусских областей, вошедших к кон. XV — нач. XVI в. в состав Московского государства, слово *господарь* в функции великокняжеского титула до XV в. не засвидетельствовано,

хотя само слово *господарь* в исходном своем значении «хозяин, владелец» было хорошо известно на всей восточнославянской территории как в памятниках церковно-литературного, так и делового характера, ср.: *господарь въ नेताжѣ, недѣе* (Арциховский, Борковский 1963, 69–71); в Синайском патерике XI–XII вв.: *не вѣдоуцню господарю нивѣ* (Синайский патерик 1967, 61; Срезневский 1893–1903, I, 563), *въсхотѣ ја господарь съжещи* (Синайский патерик 1967, 146). Как социальный термин «владелец раба, холопа» *господарь* отмечается в ряде договорных грамот и юридических документов XIV–XVI вв. в Новгороде (ГВНП 1949, 16; 17–18; 20–22; 28 и др.), в Москве («Правосудье митрополичье», АСЭИ 1952–1964, III, 24; Судебники 1952; Срезневский 1893–1903, I, 571), а также в Западной Руси (Судебник Казимира IV 1468 г.: Яковкин 1936, 12–14). Судя по ранней фиксации слова *господарь* «хозяин, владелец» в древнерусских памятниках, а также по его широкому распространению по всей восточнославянской языковой территории в XIV–XVI вв., оно принадлежало здесь к праславянскому наследию, хотя А.А. Шахматов и вслед за ним Р.О. Якобсон считали его заимствованием из чешского на том только основании, что слово *господарь* уже в древнейших памятниках выступает часто без начального *г-*: *осподарь* (Шахматов 1915, 178; Якобсон 1952, 390). Надо признать, что севернорусские написания *осподи*, *осподинъ*, отражающие произношение с [ɣ], вызваны не влиянием якобы заимствованного из чешского слова [ɣ]осподарь, а наоборот, произношение [ɣ]осподарь распространилось на севернорусской территории под влиянием однокоренных церковнославянских слов, т.е., в конечном итоге, севернорусские написания *осподарь*, встречающиеся с XIII–XIV вв., отражают влияние литургического произношения, сложившегося на южнорусском диалектном субстрате с фрикативным [ɣ] (ср. Успенский 1968, 43, 71).

Что же касается второго, более позднего значения слова *господарь* — «верховный правитель, повелитель, монарх; титул монархов (князей, королей, царей)», то первые несомненные фиксации слова в данном значении относятся к грамотам, вышедшим из «русской» канцелярии польского короля

Казимира III после завоевания им Галицкой земли в 1349 г.: **ѿ се а король казимиръ краковьскїи и коуавьскїи и господарь роускоѣ землѣ** (Пещак 1974, 27; ср. также Пещак 1974, 36). С таким же титулом упоминается Казимир III и в одной из галицких частных грамот: **подъ державоу великого крола краковьского казимира и господара роускоѣ землѣ** (Пещак 1974, 44). В одновременных латинских грамотах Казимира III выражению **господарь роускоѣ землѣ** соответствует *dominus terre Russie* (1439 г., Гонсиоровский 1907, 80).

Тот факт, что слово *господарь* как элемент монаршего титула исторически впервые засвидетельствовано в «русских» грамотах польского короля, считавшего себя наследником (в качестве правителя Галицко-Волынской Руси) последних галицко-волынских князей, может привести к выводу о том, что общеславянское *господарь* «хозяин» либо приобрело новое значение в русской канцелярии Казимира III, либо же употребление слова в этом значении продолжает галицко-волынскую традицию. В связи с последним предположением следует иметь в виду, что «русские» грамоты Казимира III, как на это указывалось ранее, являются не буквальными переводами латинских грамот, а своеобразной контаминацией древнерусских и латинских образцов; наряду с элементами древнерусского формуляра грамот мог сохраниться и традиционный титул последних галицко-волынских князей. На такую возможность указывает то обстоятельство, что в некоторых из латинских грамот последних галицко-волынских князей выступает элемент *dominus Russiae*: Andreas Dei gratia dux Ladimiriae et *dominus Russiae* (1320 г., Срезневский 1882, 177; Гонсиоровский 1907, 153); [Georgius] ex dono Dei natus dux et *dominus Russiae* (1334 г., Срезневский 1882, 135; Гонсиоровский 1907, 153). Нам кажется, что титул **господарь Роускоѣ землѣ** в «русских» грамотах Казимира III представляет собой не что иное, как кальку латинского *dominus Russiae* (ср. лат. *dominus* 1. «хозяин», 2. «господин»), возникшую в результате сосуществования латинской и «русской» канцелярий, причем «русское» выражение возникло необязательно в канцелярии Казимира III, где оно впервые засвидетельствовано, а, возможно, несколько раньше, в 1-й пол. XIV в., в канцелярии

галицко-волынских князей, откуда и перешло в канцелярскую практику при дворе Казимира III. Ввиду отсутствия подлинных русских грамот галицко-волынских князей 1-й пол. XIV в. наше предположение о существовании такой традиции в Галицко-Волынской Руси остается неподтверждаемой гипотезой; тем не менее остается фактом, что титул **господарь Роускоѣ землѣ** появился в среде, в которой сосуществовали славянские и латинские языковые и канцелярские традиции.

Необходимо отметить, что в одном случае *ωсподарь* засвидетельствовано в сочетании со словом *князь* намного раньше указанных грамот в надписи на чаре черниговского князя Владимира Давидовича (до 1151 г.): **а се чара кня[жа] володимирова давьдов[и]ча кто из нее пь[е] томуоу на здоровеѣ, а хвалаа бога [и] своего ωсподара великого кня[за]** (Срезневский 1882, 60–61; Обнорский, Бархударов 1952, 35; Рыбаков 1964, 28–29 и табл. XXIX); слово *ωсподарь* в этом тексте толкуется исследователями автоматически как «государь». Однако судя по контексту, слово *ωсподарь* здесь может означать и «хозяин», и ввиду совершенной изолированности фиксации слова (*ε*)*ωсподарь* в качестве титула вплоть до сер. XIV в. следует, на наш взгляд, отдать предпочтение именно такой интерпретации слова *ωсподарь* в этом памятнике («пусть хвалят Бога и своего хозяина, великого князя»); в данном случае, по-видимому, мы имеем дело только с контекстуальным сближением значений «хозяин» и «правитель», обусловленным тем обстоятельством, что «хозяин», из чьей чары пили гости, и «правитель», т.е. князь, здесь одно и то же лицо. В связи с предполагаемой интерпретацией слова *ωсподарь* в этом памятнике укажем, что *господарь* в древнерусских памятниках могло употребляться в контекстах, в которых оно в значении «хозяин» противопоставляется гостям; ср.: **Тоу рѣ господарь гостемъ, да видимъ съ свѣщамъ, звѣрь ли есть влѣзль во дворъ** (XI в., по сп. XIV в., Ч. Николы IV, 7 — КДРС).

В связи с отсутствием начального *z*- в этом раннем памятнике, относящемся к Южной Руси, Г. Шевелев, который переход [г] > [γ] в этой области датирует кон. XII — нач. XIII в., не находя удовлетворительного ответа на пропуск буквы *z*, полагает, что *ωсподарь* в данном случае в значении «господин» («lord»)

было заимствовано из чешск. *hospodář* как элемент высокого стиля (Шевелев 1979, 351–352; исконность слова *господарь* в значении «хозяин, владелец» — «master, owner» при этом автором не оспаривается; ср. указанную ранее точку зрения А.А. Шахматова и Р.О. Якобсона). Такое предположение наталкивается на семантические трудности ввиду того, что *hospodář* в древнечешском не засвидетельствовано в качестве титула или формы обращения (не считая специального употребления этого слова в качестве титула аббатов, которое, однако, отмечается только с XVI в., между тем как само слово в основном значении «хозяин» засвидетельствовано многочисленными примерам уже с XIV в.; см. Гебауэр 1903–1916, I, 470). Если принять точку зрения Г. Шевелева, то следовало бы приписывать древнечешскому слову такое значение, для которого имелось бы всего одно доказательство — черниговская надпись сер. XII в., что весьма маловероятно. Следует отметить, что датировка перехода [r] > [ɣ], устанавливаемая Г. Шевелевым на основе хронологии написаний, отражающих произношение [d'] на месте этимологического [r'], не является обязательной. По мнению ряда ученых, переход [r] > [ɣ] в Южной Руси завершился уже ко времени принятия христианства, чем и объясняется утверждение фрикативного [ɣ] в качестве устойчивого элемента русского литургического произношения (Шахматов 1915, 162, 178, 196; Трубецкой 1927, 63; Успенский 1968, 43, 71, прим. 44). Если придерживаться этой точки зрения, то отсутствие буквы *z* в данной надписи может объясняться тем, что мастер был не черниговцем, а северноруссом. Возможно, впрочем, и то, что буква *z* на самом деле есть в этом слове в тексте надписи, так как буква *z* в предыдущем слове (своего), может относиться к слову **ѡсподара**, поскольку интересующий нас фрагмент надписи выглядит примерно так: **своег ѡсподара** (см. точное отображение надписи в Рыбаков 1964, 9; т.е. возможно, что мастер при изготовлении надписи пропустил одну из двух повторяющихся секвенций **го(гѡ)** и, заметив ошибку, втиснул маленькую букву *o* на свободное место под **г** (ср. также другие пропуски в этом тексте, восстанавливаемые издателями). Нам представляется самым вероятным именно такое объяснение пропуска буквы *z* в этой

надписи (данное Б.А. Успенским), потому что оно избавляет нас от необходимости прибегать к неестественным и поэтому маловероятным гипотезам о причинах отсутствия *г* в этом одном, совершенно изолированном в свое время случае употребления слова *господарь* в сочетании со словом *князь*. Как бы то ни было, следует констатировать факт, что до появления слова *господарь* около сер. XIV в. в русской канцелярии Казимира III у нас нет положительных свидетельств об употреблении этого слова в качестве элемента русского княжеского титула не только в севернорусских, но также в южнорусских областях. Это обстоятельство не исключает той возможности, что титул этот мог быть заимствован королевской канцелярией из канцелярской практики последних галицко-волынских князей, но и в этом случае нет оснований предполагать, что это слово вошло в титулатуру галицко-волынских князей значительно раньше первой фиксации их титула *dominus Russiae* в латинских грамотах (1320 г.); естественнее считать, что если эта семантическая калька, наоборот, возникла на самом деле в галицко-волынской канцелярской практике, то она была там создана после появления латинского образца.

На канцелярское происхождение титула *господарь* указывает и то обстоятельство, что в западнорусском слово *господарь* не стало эквивалентом латинского *dominus* при обращении к любому представителю знати, а сохранилось для обращения к верховному правителю (королю, великому князю и реже удельным князьям); как форма обращения к другим знатым лицам распространился очень рано полонизм *пань*. В памятниках староукраинской деловой письменности XIV–XV вв. слово *пань* засвидетельствовано 10800 раз (ССУМ 1977–1978, II, 125), слово *пані* — 111 раз (ССУМ 1977–1978, II, 123), между тем как *господинь* зафиксировано только 45 раз (ССУМ 1977–1978, I, 255) и *госпожа* — всего 2 раза (ССУМ 1977–1978, I, 256); 13 раз отмечена болгарская форма *госпожда*, но только в молдавских документах (ССУМ 1977–1978, I, 256–257); в связи с частотностью этих слов в староукраинских грамотах см. также Спринчак 1956. Это обстоятельство приводит нас к выводу, что семантическая калька *господарь* и заимствования *пань/пані* за-

—
52
—

полнили реальный пробел в восточнославянской лексической системе, а слова *господинъ/госпожа* мы должны рассматривать как элементы церковнославянского языка, т.е. как заимствования из древнеболгарского языка, не получившие в XIV в. еще широкого распространения в разговорном языке восточнославянского населения Юго-Западной Руси. На церковнославянское происхождение слова *господинъ* указывает и то, что в староукраинских грамотах оно употреблялось преимущественно как титул молдавских воевод и как форма обращения к духовным лицам (ср. ССУМ 1977–1978, I, 255). Что же касается Северо-Восточной Руси, то обращение к князю *господинъ* отмечается Д.С. Лихачевым начиная с сер. 70-х гг. XII в. и считается им новым для этого периода политическим термином (Лихачев 1951, 25–26; ср. Виноградова 1965–1978, I, 173–174).

В свете приведенных данных трудно согласиться также с выводом О.Н. Трубочева о том, что можно «отвергнуть мысль о вторичном распространении слова **gospodъ* из церковнославянского в другие славянские языки» (ЭССЯ 1974–1984, вып. 8, 62). Нельзя упускать из виду, что также др.-польск. *gospodzin* «господь» (почти исключительно о Боге, ССтп 1953–2002, II, 468–470) является, по всей вероятности, заимствованием из др.-чешск. *hospodin* (Славский 1952–1982, I, 325), которое, в свою очередь, приобрело значение «господь (о Боге)» во взаимодействии со старославянским языком (Мареш 1967, 1262); слово *господь*, реконструируемое для церковнославянского языка чешского извода X–XI вв., было элементом словаря именно церковнославянского языка, а не древнечешского (Якобсон 1950, 268–270). Следует учитывать и то обстоятельство, что строгое различие слов *господь* «о Боге» и *господин* «о людях» характеризует только язык православных славян, поэтому при распространении самих этих слов нельзя не считаться с влиянием церковнославянского языка. В церковнославянском языке русской редакции в нач. XII в. (Мстиславово Евангелие) *господь* еще могло употребляться по отношению к «земному *господину*» (Жуковская 1972, 66–67), однако впоследствии и в восточнославянской области проводится строгое разграничение сфер применения этих двух слов. Единичные поздние случаи,

когда *господь* выступает в обращении к представителю светской власти, как, например, в отчете русских послов Дмитрия Ларева и Митрофана Карачарова московскому великому князю Ивану III («наяснѣишему и вышнѣишему *господу, господу* Ивану Васильевичу, царю всеа Руси» — 1504 г., СРИО 1884, 519), объясняются явным подражанием западным формам обращения (ср. в латинских грамотах того же периода: «*illustrissimo domino, domino Ioanni...*», см. Унбегаун 1935, 353).

Как видно, имеются веские аргументы в пользу предположения о том, что как **gospodь*, так и **gospodinъ* стали «общеславянскими» только благодаря средневековой культурной экспансии древнеболгарского. Очень раннее вытеснение слова *господинъ* заимствованным из польского словом *панъ* объясняется, по-видимому, тем, что слово *господинъ* ко времени начала интенсивных польско-восточнославянских языковых контактов в Юго-Западной Руси не успело еще укорениться в разговорной речи в качестве элемента языкового этикета. Слово *панъ* распространилось в Юго-Западной, а затем во всей Литовской Руси, несомненно, под влиянием польского разговорного языка, но распространение титула *господарь* по отношению к верховным правителям обязано западнорусскому канцелярскому языку, откуда он в XV в. sporadически (см. ранее), а в XVI в. уже все шире проникает в польский язык в украинской огласовке (*hospodar*, см. СП 1966–2011, VIII, 367–368; ср. Карплюк 1977, 56, 68, Миниковска 1980, 57–58; Миниковска 1980а, 65). Таким образом, появление значения «верховный правитель, монарх» у слова праславянского происхождения *господарь* мы должны признать староукраинской семантической инновацией, возникшей в результате семантической аккомодации славянского слова *господарь* «хозяин» под влиянием лат. *dominus*.

Наши выводы о происхождении титула *господарь* в староукраинском подтверждаются историей этого титула в сербской дипломатике. Если рассмотреть сербские данные в хронологическом порядке, то оказывается, что отправной точкой распространения титула *господарь* в сербской дипломатике мы должны признать Дубровник, дипломатика которого в средневековье развивалась опять-таки в латино-славянском симбиозе.

Слово *господарь* в значении «правитель какой-то области» в сербских грамотах встречается уже с XIII в., например, в грамоте Стефана Радослава, данной Дубровнику в 1234 г.: **ако ми богъ да и боудоу го сподарь** (Миклошич 1858, 19); в грамоте зетского князя Георгия Бакшича, данной Дубровнику в 1373 г.: **и кол <...> боудоу го сподарь швоизи земли приморской, коиа ље коло Дубровника** (Миклошич 1858, 184). Однако случаи, когда слово *господарь* вне всякого сомнения входит в официальную титулатуру князей, относятся к 1-й пол. XV в., например, в грамоте 1436 г.: **пръде к намь оу Дубровникъ много славна и почтена племенита господа Юлена, <...> кки много славного свето почившаго кнеза Лазара, господара срьблемь** (Миклошич 1858, 386); в грамоте 1441 г.: **прѣмисмо шдь много славного господина Гюрга, господара срьпской земли и к томуу ниже речено благо** (Миклошич 1858, 406). По-видимому, из переписки с Дубровником закрепляется этот титул и за турецкими султанами в их сербских грамотах, так как по отношению к Дубровнику турецкая власть считала себя преемником прежних сербских королей и деспотов (Унбегаун 1975, 221; о роли сербского языка в Турецкой империи и вообще о роли сербов в турецком государственном аппарате см. Хадрович 1947, 44–48). См. в грамоте султана Амурата, данной Дубровнику в 1430 г.: **И велики господарь и велики амира соултань Амоурать бегъ, синь великого господара и великого амире соултань Нехеметь бега** (Миклошич 1858, 362). В XV в. *господарь* становится постоянным элементом титулатуры турецких султанов в их сербских грамотах, соответствующим слову *pādišāh* в турецких грамотах (ср. Бошков 1977–1979, 95).

У нас нет данных, которые позволили бы с достаточной уверенностью предположить сколько-нибудь тесные контакты между «русской» (галицкой или краковской) и сербской далматинской канцеляриями в XIV в. (хотя возможность контактов не исключается, поскольку в XII–XIV вв. и Далмация, и Галич находились в сфере влияния Венгрии и у нас есть некоторые исторические сведения о южнославянско-южнорусских политических, династических и церковных связях в этот период, см. Пашуто 1950, 238; Шушарин 1965, 444–445;

Грицак 1958, 152), поэтому появление титула *господарь* почти одновременно в этих отдаленных друг от друга славянских областях мы должны признать результатом параллельной семантической инновации, для которой имелись сходные условия как в собственном языковом материале (наличие праславянского слова **gospodarъ* «хозяин»), так и в характере самых актуальных языковых контактов (сосуществование в обоих центрах славянской канцелярии с латинской).

Путь распространения титула *господарь* в Западной Руси хорошо согласуется с общим ходом развития западнорусского делового языка. После смерти Казимира III мы встречаемся с этим словом в составе титула Владислава Опольского: *роускоѣ земли господарь* (Пещак 1974, 59–61); также подольского князя Александра Кориатовича: *кнѣзь и гдѣрь подольской земли* (Пещак 1974, 50); а затем, после унии Литвы и Польши, в составе титула Владислава Ягайло как польского короля и великого князя литовского одновременно. Есть все основания думать, что закрепление титула *господарь* за литовскими великими князьями совершилось как раз в те годы (1388–1392 гг.), когда Ягайло практически управлял обоими государствами. Ср. с его договорной грамотой со смоленским князем Юрием Святославичем 1386 г., написанной в Вильне: *Иѣ юрьи свѣтъславич кнѣзь великий смоленский да емъ ведомо кто коли сѣю грамотоу видить а любо слышити с володиславом бѣею млстѣю с королемъ полскимъ литовскимъ и роусскимъ инѣхъ земль шподаремъ так емъ оу докончаньи* (Смоленские грамоты 1963, 72; Пещак 1974, 70), или с договорной грамотой Ягайло с его братом Скиргайло 1387 г.: *Владисла бѣе млти король полскии литовскии и роускии инѣхъ земль гдѣрь* (Хрестаматя 1961, № 18, 49). Эта титулатура полностью соответствует интитуляции латинских грамот Ягайло: *Nos Vladislaus, Rex Poloniae ac Lithvaniae, Russiae et aliarum plurimarum terrarum Dominus* (ДАИ 1848, 454).

Таким образом, употребление слова *господарь* в соответствии с лат. *dominus* в титулатуре литовских великих князей является одним из элементов галицкого происхождения, перешедших в деловой язык Великого княжества Литовского в результате соединения литовской канцелярии с польской

—

55

—

56

при Ягайло. В этот же период проникает титул *господарь* в язык молдавской канцелярии, сначала как титул Ягайло (Пещак 1974, 79–81), а затем и как титул молдавского воеводы (Пещак 1974, 125–126). В грамотах внутреннего управления молдавские воеводы в кон. XIV в. пользовались еще титулом *господиць* (Пещак 1974, 109). В 1-й пол. XV в. титул *господарь* становится обычным и в актах внутреннего управления, хотя иногда встречается еще *господиць* (ср., напр., грамоту воеводы Александра львовским купцам 1408 г., в тексте которой читается *господарь*, но на надписи привешенной к ней печати фигурирует *гпнць*, см. Русановский 1965, 70). Ранняя история титула *господарь* однозначно указывает на то, что он был заимствован из западнорусской канцелярской практики (ср. Выртосу 1960, 190–194; Миту 1963, 182).

Кроме официальной титулатуры сочетание *господарь король* появляется в нарративной части западнорусских грамот как этикетная форма обращения к королю или упоминания о нем, в соответствии с лат. *dominus rex* и польск. *pan król*: *да ми гѣдрь мои великий король митрополью галицкою <...> а за то словоую и хъочу дати <...> моему милому гѣдрю королю двѣ стѣ гривенъ рускихъ* (Пещак 1974, 136); *межи нашимъ господаремъ королевъ Владиславомъ Полскимъ* (АЮЗ 1863–1865, I, 5). Поэтому нельзя согласиться с Г. Штеклем, который появление этой формы обращения в западнорусском датирует сер. XV в. и видит в ней результат персональной унии Польши с Литвой (Штекль 1954, 115). Указанные ранние фиксации сочетания *господарь король* (вне официальной полной титулатуры) относятся к подвластным Польше областям (Галич, Львов) и свидетельствуют скорее о том, что оно возникло в Галицкой Руси, где условия для сочетания этих двух титулов существовали уже во 2-й пол. XV в. при Казимире III.

После того как Ягайло передал управление Литвой Витовту (1392 г.), слово *господарь* вошло в титулатуру Витовта. Правда, в немногочисленных сохранившихся подлинных западнорусских грамотах самого Витовта обычен титул в сокращенной форме (*Иты князь великий витовтъ*, Русановский 1965, 35, ср. также Русановский 1965, 36; 110–112; 128; 141), однако Витовт часто упо-

минается в современных ему документах с титулом *господарь*, ср., например, в серии присяжных грамот подвластных Литве удельных князей 1400–1401 гг.: **по смерти нашѣго госд̄аря великого княз витовта не искати ми инѣх господаревѣ мимо нашег милого господаря крола владислава полского** (Пещак 1974, 145–146, ср. также Русановский 1965, 33–34; АЗР 1846–1848, I, 28–30) или в полоцкой грамоте 1407 г.: **Князь великий Витовтъ литовьскій, наш ѡсп(о)д(а)рь** (Полоцкие грамоты 1977–1978, I, 108).

Как видно из приведенных текстов, слово *господарь* к этому времени в западнорусском могло означать уже любого верховного правителя и могло выступать как общее название монархов с разными титулами. Употребление слова в таком обобщенном значении в западнорусском языке подтверждается летописными источниками, в частности, панегириком Витовту, составленным или еще при жизни Витовта (Охманьски 1982, 89), или вскоре после его смерти в 1430 г. (Смолка 1890, 18–19), включенным в состав ряда западнорусских летописей. Этот памятник интересен еще и тем, что в нем дается обзор титулов современных Витовту европейских монархов, и при этом для каждого из них употребляется обобщенное название *господарь*: «*господарь* Угорьской земли, зовемыи цесарь римьскій» (имеется в виду Сигизмунд Люксембургский, венгерский король (1387–1437гг.) и император Священной Римской империи (с 1410 г.); «славному *господарю*, благоверному же и христолюбивому царю цариградскому»; «*господарь* земли Молдовьскій и Басарабъ, по волоскому языку воеводы»; «*господарь* земли Болгарьской, по болгарьскому языку деспоты» (ПСРЛ XXXV 1980, 76).

Длительное «господарствование» Витовта в Литве (1392–1430 гг.) и его активное участие в общерусской политике, несомненно, способствовало распространению его титула как в подвластных ему областях, так и в смежных с ними восточнославянских землях (ср. Штекль 1954, 115; Водов 1978, 25). Поэтому неслучайно, что проникновение титула *господарь* в великорусские документы относится как раз ко времени великого княжения Витовта в Литве.

В связи с назначением (по инициативе Витовта) Григория Цамблака в западнорусские митрополиты его титул попадает